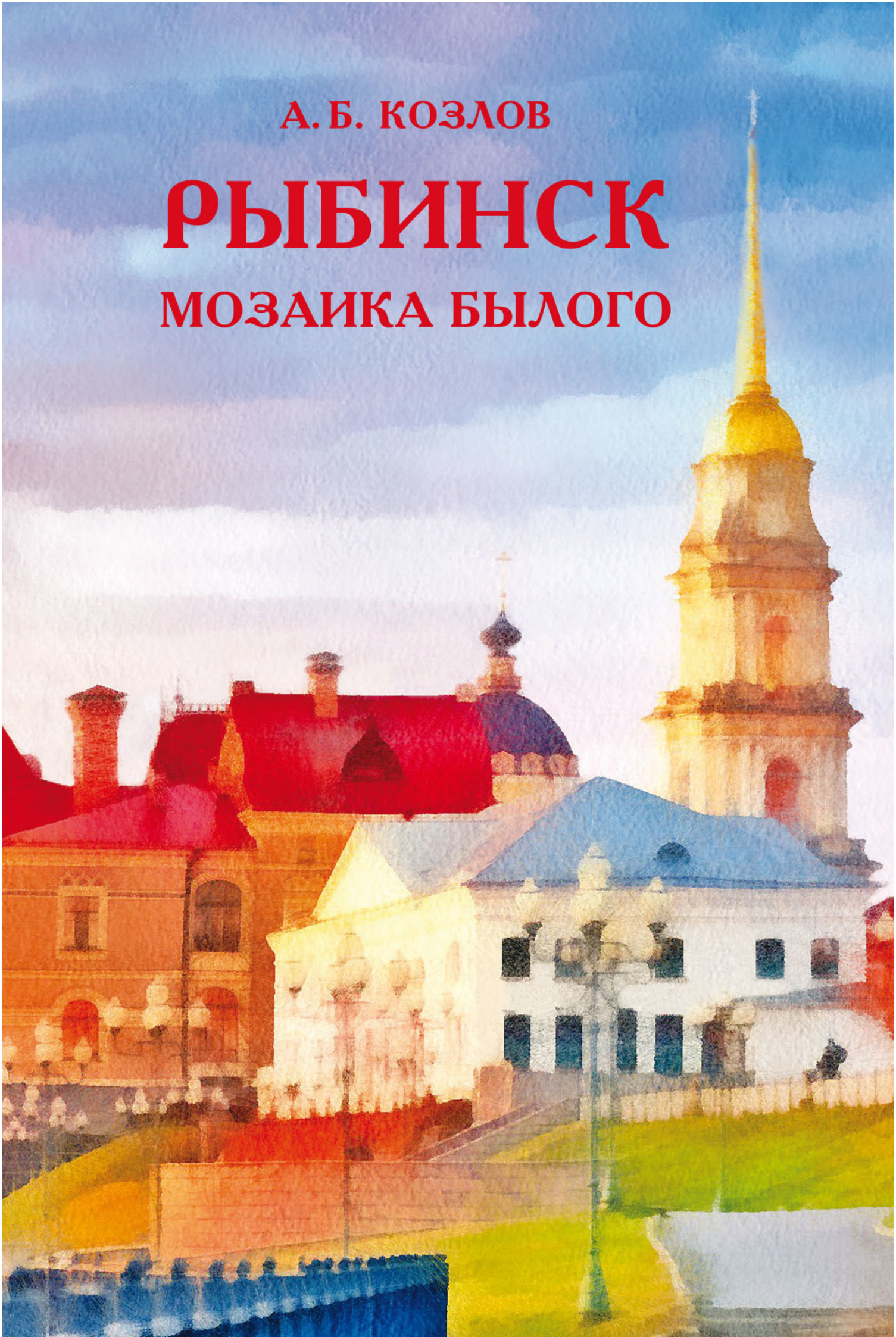
А. Б. КОЗЛОВ

РЫБИНСК

МОЗАИКА БЫЛОГО



Александр Козлов

Рыбинск. Мозаика былого

Арт-Холдинг «Медиарост»

2013

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)

Козлов А. Б.

Рыбинск. Мозаика былого / А. Б. Козлов — Арт-Холдинг «Медиарост», 2013

ISBN 978-5-906071-25-5

Эта книга – наиболее полное издание очерков историка и краеведа Александра Борисовича Козлова, подготовленных им в разные годы для периодической печати. Основываясь на архивных данных, сюжетах дореволюционной и советской прессы, автор создал увлекательные рассказы о жизни небольшого волжского города. Трагедии здесь чередуются с курьёзами, лирика соседствует с пафосом. Лица и события из далёкого прошлого оживают благодаря остроумной и детальной манере повествования. Погружаясь в эпоху, читатель становится свидетелем событий минувших веков. Некоторые тексты публиковались отдельной книгой – «Рыбинск: невыдуманные истории» – в 2013 году, издание пользовалось большой популярностью. Настоящий сборник дополнен 39 новыми рассказами. Кроме того, в книге собрано более двухсот иллюстраций: архивные документы, фотографии и графика дореволюционного и советского периодов.

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)

ISBN 978-5-906071-25-5

© Козлов А. Б., 2013
© Арт-Холдинг «Медиарост», 2013

Содержание

Предисловие 6
Четверть века без войск 9
Тайна блюда императора 15
Великие князья в Рыбинске 19
«Тамойки», «букатник» и «чебурки» 23
Дядя Гиляй, он же Алёша Бешеный 28
Женщины столицы бурлаков 34
Цепное пароходство 38
Холерные эпидемии 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александр Борисович Козлов
Рыбинск: мозаика былого

© А. Б. Козлов, наследники, 2013
© Медиарост, оригинал-макет, 2019

Предисловие

В августе 2013 года издательство «Медиарост» порадовало читателей очередной книгой нашего выдающегося краеведа Александра Борисовича Козлова «Рыбинск: невыдуманные истории». Перед выходом книги в свет руководитель издательства Виталий Владимирович Горошников обратился ко мне с просьбой подготовить небольшую презентационную статью об авторе и общих направлениях его творчества.

Этот текст был опубликован на оборотной стороне обложки и сообщал читателю следующее:

«Вы держите в руках уникальную для нашего родного Рыбинска книгу – сборник небольших, но очень ярких и увлекательных очерков-зарисовок из истории города. Автор этих миниатюр Александр Борисович Козлов хорошо известен рыбинцам как многолетний сотрудник музея-заповедника и блестящий краевед, который на протяжении десятилетий радует нас своими прекрасными публикациями в местных журналах и газетах. К этому следует добавить, что автор является и профессиональным экскурсоводом, способным так увлечь гостей Рыбинска, будь то простые туристы или высокопоставленные чиновники и члены различных делегаций, что в их сознании наш город остаётся уникальнейшим населённым пунктом России, имеющим своё лицо и историю.

Если вспомнить библиографию краеведческой литературы о Рыбинском крае, то можно перечислить сотни изданий по этой тематике. И тем не менее книга А. Б. Козлова отличается от других.

Александр Борисович Козлов по образованию философ (окончил философский факультет Ленинградского государственного университета), а по профессии – историк-краевед. До приобщения к истории несколько лет работал корреспондентом в рыбинских заводских многотиражках. Вот такой симбиоз философа, журналиста и историка выгодно отличает его от коллег-краеведов. Он способен философски выделить уникальные краеведческие факты, которые попадают в его поле зрения, развить их связь с историей России и по-журналистски оформить в увлекательный и познавательный очерк.

Эта книга заинтересует читателей всех возрастов: старшее поколение с удовольствием вспомнит увлекательные эпизоды из жизни Рыбинска, для молодёжи это будет своеобразным историческим откровением, что заставит её больше любить и ценить свою малую родину».

Когда я в очередной раз посетил родной Рыбинск, в августе 2013 года, Александр Борисович Козлов любезно преподнёс мне только что вышедшую книгу со своим инскриптом:

Вадиму Вадимовичу Нефёдову.
Дорогой Вадим!
Если бы не ты, не было бы этой книги.
Спа-си-бо!
10/08 2013 г. А. Козлов

Столь искренняя надпись, конечно, была очень приятна мне, так как подчёркивала единение наших помыслов и душ, обоюдную заботу друг о друге и готовность к продолжению тесного сотрудничества.

Если читатель обратит внимание, то указанная надпись была сделана почти шесть лет назад, и за это время в жизни произошли значительные изменения, которые 26 ноября 2015 года неожиданно поделили её на две части – до и после.

Конечно, в последние годы Александр Борисович Козлов с ещё большим энтузиазмом продолжал свои изумительные краеведческие исследования, публикуя их в местной прессе, осуществил телевизионный проект из многочисленных фильмов-рассказов о нашем родном

Рыбинске, регулярно работал в архиве и был штатным сотрудником музея-заповедника. Как и прежде, мы постоянно – по телефону и во время личных встреч – обсуждали наши краеведческие планы и замыслы, обменивались стоящими перед нами проблемами и искали пути их решения.

В моей библиотеке бережно хранятся более десятка книг, написанных Александром Борисовичем и врученных мне с его памятными надписями.

Александр Борисович Козлов

На своём первом фундаментальном труде, который назывался «Свети, “Маяк”! История спичечной фабрики г. Рыбинска» (2004), он прямо указал:

Инициатору и вдохновителю этой книги
Вадиму Вадимовичу Нефёдову.
Вспомни, как всё начиналось!
24/IX 2004 г. А. Козлов

Но вот настал и тот тяжёлый день – 26 ноября 2015 года – когда Александр скоропостижно покинул наш мир. Для меня, конечно, это была очень горестная утрата, так как практически вся наша с ним жизнь с ранней молодости проходила рядом – улица Парковая на «Весёлых Островах», Копаево. Более тесно мы сблизились около 30 лет назад, когда он уже работал в историческом отделе нашего музея.

Вот уже почти четыре года, как Александра Борисовича нет с нами. И это большая потеря для всего города, его культурной жизни. Памяти А. Б. Козлова была посвящена ежегодная именная номинация рыбинской премии «За заслуги в краеведении» (сама премия учреждена в 1994 году, и он ещё при жизни шесть раз становился её лауреатом).

Книга «Рыбинск: мозаика былого» является продолжением издания «Рыбинск: невыдуманные истории». Она знакомит читателя с очередными гранями творчества А. Б. Козлова, раскрывает новую палитру его исторических зарисовок, включает в себя в том числе последние работы автора, а также наиболее яркие из прежних краеведческих очерков. Книга, конечно, является и данью памяти нашему замечательному рыбинскому краеведу, который всю жизнь посвятил изучению и популяризации истории своей малой родины.

Вадим Нефёдов, полковник,
профессор, почётный член
Академии военных наук МО РФ,
историк-краевед

Четверть века без войск

20 октября 1834 года император Николай I подписал указ об освобождении Рыбинска от воинского постоя в связи с особой торговой значимостью города для Российской империи.

К 1834 году Рыбинск являлся крупнейшим речным портом северо-западной части России. От Рыбинска начинались и заканчивались в Санкт-Петербурге три искусственные водные системы. Эти водные пути состояли из небольших рек и озёр, соединенных каналами.

Первую систему, Вышневолоцкую, построили еще при Петре I. От Рыбинска она шла по Волге, поворачивая в реку Тверцу у города Твери.

Мариинская водная система, открытая в 1810 году, начиналась от Рыбинска, с устья реки Шексны. В 1811 году ввели в строй Тихвинскую водную систему, следуя по которой суда входили из Волги в реку Мологу у города Мологи.

В 1828 году построили Северо-Двинскую водную систему, соединившую реки Шексну и Северную Двину. Появилась возможность пройти водным путем от Рыбинска до Белого моря.

Грузы, доставлявшиеся в Рыбинск с низовьев Волги крупными судами, перегружали в городе на небольшие суда, способные пройти далее по мелководным системам. Это создало прекрасные условия для развития в Рыбинске оптовой торговли. Не случайно именно в Рыбинске построили третье в России здание товарной биржи. Основным товаром на бирже было зерно.

В начале XIX века город Рыбинск, единственный в России, в народе начали называть столицей бурлаков. Четвертая часть всего российского бурлачества за навигацию проходила через Рыбинск. Ни один город необъятной Российской империи не видел такого большого количества бурлаков.

Первое здание рыбинской биржи

Указ императора об освобождении Рыбинска от воинского постоя население города встретило с радостью. 22 октября 1834 года в рыбинской соборной церкви, стоявшей на месте сохранившегося до наших дней Спасо-Преображенского собора, отслужили по этому поводу Божественную литургию.

Затем участники службы направились крестным ходом к зданию биржи. Впереди на серебряном блюде несли указ императора об освобождении от постоя. В 1823 году это блюдо изготовили к приезду в Рыбинск императора Александра I.

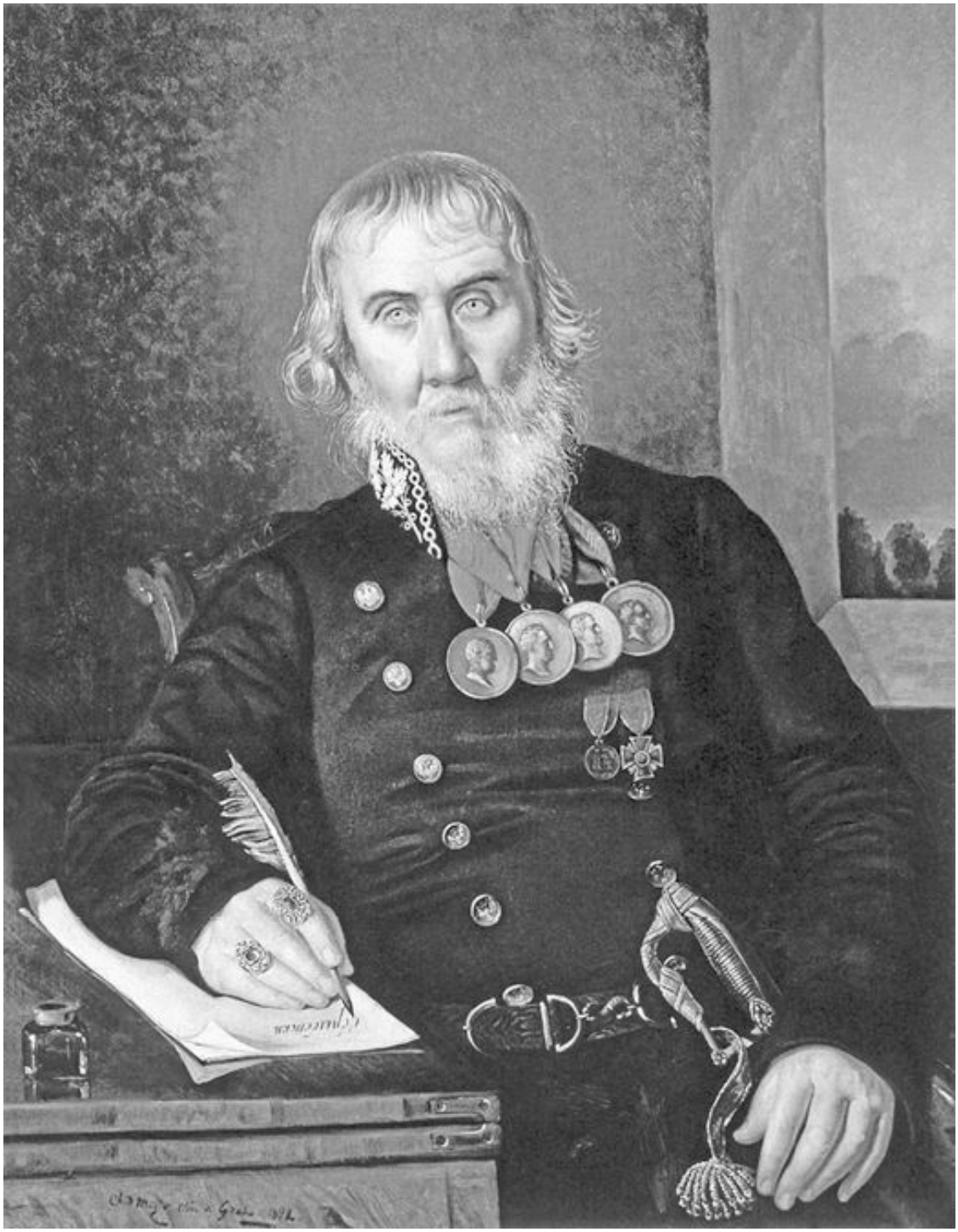
В биржевом зале дали торжественный обед для почетного купечества, дворянства и чиновников. Затем городской голова Ф. И. Тюменев пригласил всех в свой дом, где тоже дал обед, уже за личный счет.

Радость рыбинцев, живших в 1834 году, понять легко. Отмена постоя войск означала отмену квартирной повинности для горожан. Эта повинность существовала в России с начала XVIII века. В Воинском уставе от 1716 года разъяснялась система размещения войск по квартирам.

Горожане обязаны были выделять прибывшему на постой в город воинскому подразделению помещения в своих квартирах или домах. Выделением помещений занималась городская квартирная комиссия. В состав комиссии входил городской полицмейстер, представители от купечества, мещанства, дворянства и ямщиков.

Кроме того, горожане обязаны были обеспечить находившихся у них на постое воинов продовольствием, постельными принадлежностями, дровами и свечами. Конечно, всё это было обременительно и создавало большие неудобства для жителей. Квартирная повинность существовала в России до 1874 года.

В 1834 году в Ярославской губернии находилась на постое 10-я пехотная дивизия, прибывшая сюда в сентябре 1833 года. Местами дислокации дивизии стали города Ярославль, Рыбинск, Ростов и Молога.



Городской голова Фёдор Ильич Тюменев

На постой в Рыбинск торжественно вошел Суздальский пехотный полк. Впереди – полковой оркестр. На серебряных трубах виднелись чеканные надписи: «За взятие Берлина 28 сентября 1760 года». А на полковом знамени огромная толпа горожан читала: «За отличие в делах с турками в 1828 и 1829 годах». Суздальский полк был создан еще в 1707 году, в петровские времена.

В состав квартирной комиссии Рыбинска, выделявшей жильё полку, входил городской полицмейстер Иван Михайлович Деев, сам бывший военный. Это был выдающийся человек, герой Отечественной войны 1812 года. В число его многочисленных наград за военные заслуги входила золотая сабля с надписью: «За храбрость». И, как говорили современники И. М. Деева,

это был единственный полицмейстер на Волге, не бравший взятки. Что было особенно важно при распределении квартир.

30 марта 1856 года Парижский мирный договор подвел итоги Восточной (Крымской) войны 1853–1856 годов, в которой Россия потерпела поражение. Возвращавшимся с мест боёв войскам требовались места для постоя.

31 декабря 1857 года Рыбинская городская дума получила письмо от ярославского губернатора. Тот сообщал, что согласно указу императора Александра II отныне Рыбинск вновь облагается квартирной повинностью, как и все города империи.

В октябре 1858 года в Рыбинск торжественно вошел на постой Самогитский гренадерский эрцгерцога Франца Карла полк. Двадцать четыре года спустя после освобождения от постоя в городе опять «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали…»

Молодой военный в Рыбинске

Тайна блюда императора

В течение XVIII – начала XX века российские императоры и их родственники, великие князья и княгини неоднократно посещали Рыбную слободу, затем город Рыбинск.

За 34 года своего правления императрица Екатерина II совершила семь больших путешествий по России, не считая поездок в Москву. Первый вояж она предприняла в 1763 году, когда не прошло и года со дня ее восшествия на престол. Путь лежал в Ростов Великий, на освящение раки святого Димитрия. Это путешествие государыне испортили в Переславле, где отвели для отдыха дом, кишащий тараканами.

2 мая 1767 года Екатерина II отправилась из Твери по Волге в третье по счету путешествие. В императорском караване было 25 судов. Специально изготовили четыре галеры: «Тверь», «Волга», «Ярославль» и «Казань». Императрица находилась на «Твери». Внешний вид галеры навсегда запечатлен на гербе Костромы.

Свита императрицы насчитывала около 2000 человек. Только съестные припасы и кухонная утварь заняли четыре судна. В число сопровождающих входили видные российские вельможи, в том числе фаворит императрицы Григорий Орлов и его брат Владимир. До Костромы Екатерину сопровождали пять послов: австрийский, датский, испанский, саксонский и прусский.

Путешествие закончилось 5 июня в Симбирске. За это время флотилия прошла 1410 вёрст (1 верста = 1,06 км). На берегах Волги караван Её Величества приветствовало население прибрежных сёл и деревень: горели костры из дров и смоляных бочек.

Галера Екатерины II «Тверь».

Художник А. К. Беггров

Спасо-Преображенская церковь, которую посетила Екатерина II во время своего пребывания в Рыбной слободе

О цели путешествия Екатерина II писала: «Мне главным образом нужно, чтобы народ имел возможность приблизиться ко мне, чтобы ему был доставлен случай к заявлению о своих нуждах, чтобы трепетали те, кто использует во зло мое доверие».

Вечером 8 мая суда бросили якоря у Рыбной слободы, чтобы дождаться утра. Накануне путешествия Екатерина получила только что вышедший из печати роман «Велизарий» известного французского писателя, друга Вольтера, Жана-Франсуа Мармонтеля (1723–1799) и чтобы скоротать время, переводила его на русский язык. Одну главу перевела сама, остальные поручила вельможам.

И пришлось тридцатитрехлетнему фавориту, графу, князю Римской империи Григорию Орлову, о котором сама императрица говорила, что он силен, храбр, решителен, всю ночь корпеть над французско-русским словарем, с тоской поглядывая на рыбинский берег.

В каждом волжском селении императрица вначале шла в православный храм, выстаивала службу, прикладывалась к иконам и мощам святых. Не стала исключением и Рыбная слобода. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» написала: «Сего месяца 9 числа, в день праздника Св. Николая Чудотворца, соизволила Её Императорское Величество пополуночи в 7 часу сошед с галеры, проплыть при пушечной к берегу пальбе в шлюпках к пристани Рыбная слобода. Там при собрании многочисленного народа встретили Ея Величество под предводительством московского губернатора съехавшиеся из окрестных селений дворяне с их женами и лучшие той слободы купцы, такоже и всё духовенство в служебном облачении с животворящим крестом…»

Путь от берега до Спасо-Преображенской церкви, находившейся на месте нынешнего собора, устлали белым холстом. Но этого рыбнослобожанкам показалось мало. Выстроившись в две шеренги, женщины стлали под ноги императрицы свои шелковые платки и целовали её следы.

Рыбнослобожанок пытались «перепрыгнуть» жительницы Казани, о чём написала насмешливо сама императрица: «В Казани, если б дозволили, они бы себя вместо ковра постлали, а в одном месте мужики по дороге им свечи давали, чтобы передо мной ставить, с чем их и прогнали».

Из Ярославля Екатерина II написала: «Ярославки лицом хороши, а тальею и одеянием на таррентопок (обезьян. – *А. К.*) похожи». Я с этой характеристикой не согласен. Ярославны, как и рыбинчанки, очень красивые женщины и с отличным вкусом.

20 августа 1823 года в Рыбинск прибыл император Александр I. Городские власти преподнесли самодержцу хлеб-соль на серебряном блюде с чеканкой в виде рыбинской пристани и надписью «Александръ I». Император вкусил угощение, а блюдо возвратил горожанам. Оно хранилось в здании городской думы. Однако, когда в 1918 году думу распустили, блюдо не обнаружили…

В 1823 году, вскоре после визита самодержца, в Рыбинск пришло письмо ярославского губернатора: «Рыбинской градской думе. Господин управляющий Министерством внутренних дел уведомляет меня, что генерал от артиллерии граф Аракчеев сообщил ему Высочайшую его императорского величества волю, чтобы в Высочайший государя императора проезд через города и местечки хлеб и соль подносимы были Его Величеству на белых фаянсовых, обыкновенных, простых блюдах, а отнюдь не на серебряных, равномерно чтоб и солонки были не серебряныя, а обыкновенныя, простыя. Вследствие чего предписываю градской думе к непременному исполнению Высочайшей воли в точности».

Лизоблюдство и растранжиривание средств не приветствовал и Николай I. Николай Павлович отличался скромностью в быту. В 1859 году сын рыбинского купца Михаил Журавлёв, направляясь на учебу в Англию через Санкт-Петербург, побывал в Зимнем дворце, где в неприкосновенности соблюдалась комната Николая I, скончавшегося четыре года назад. После этого в дневнике Михаила появилась запись: «…видел кабинет Николая I, в котором он скончался. Очень маленькая комнатка и очень просто убранная. Складная железная кровать стоит посреди комнаты к стене, тюфяк, две подушки, очень простенькое одеяло, в ногах плащ, истертый ковер и развалившиеся туфли, служившие ему бессменно с 1816 года».

В делах император был весьма строг. 9 мая 1841 года Николай I прибыл в Рыбинск, чтобы осмотреть здание первой в российской провинции товарной биржи. К его удивлению, строение использовалось вовсе не для биржевой торговли. На двух этажах сидели городские чиновники, а подвал сдавался в аренду винному откупщику. Вскоре вышел в свет указ Николая I о создании в Рыбинске биржевого комитета и института маклеров (посредников между продавцами и покупателями на бирже). Так началось становление рыбинской биржи как одной из авторитетнейших коммерческих организаций России.

Но, уважаемые читатели, мы совсем забыли о пропаже блюда императора Александра I. Разгадку я нашел в Рыбинском архиве, в деле, в котором ну никак не ожидал. Оказалось, что, когда рыбинского городского голову купца П. А. Щербакова пригласили на коронацию императора Александра II, он взял с собой блюдо, от которого когда-то отказался Александр I. Перед этим чеканную надпись «Александръ I» изменили на надпись «Александръ II». Новый император подарок принял. Теперь блюдо следует искать в Эрмитаже.

Великий князь Сергей Александрович с женой Елизаветой Фёдоровной

Великие князья в Рыбинске

4 августа 1878 года городской голова Рыбинска получил сообщение по телеграфу: через три дня в Рыбинск пароходом прибудут великие князья, члены царствующего Дома Романовых.

5 августа в Рыбинске уже находился епископ Ярославский и Ростовский Ионафан. В этот же день приехал и ярославский губернатор, чтобы лично руководить подготовкой к встрече высочайших гостей.

6 августа город преобразился: здания украсили флагами, коврами, зеленью, цветами. На Волжской набережной, напротив Спасо-Преображенского собора, где предполагался выход на берег великих князей, построили триумфальную арку из еловых и сосновых ветвей. В верхней части арки красовался герб Российской империи.

Посмотреть на арку собрались почти все горожане. Объявили, что завтра, с рассветом, навстречу гостям от пристани общества «Самолёт» отправится пароход, желающие попасть на него могут приобретать билеты.

7 августа в 6:00 пароход со встречающими вошел в устье Шексны и направился навстречу великим князьям. В 9:00 Волжская набережная была уже полностью заполнена народом. Пароход с высочайшими особами прибыл в Рыбинск в 13 часов 5 минут. Гости задержались, так как осматривали крупнейшую в Европе канатную фабрику рыбинского купца М. Н. Журавлёва.

Дьякон Митрофан Солонцев, автор книги «Рыбинские соборные храмы и святыни их», написал в газете «Ярославские епархиальные ведомости»: «Видимо стало приближение парохода с царским флагом. В народе воцарилась тишина, внимание всех было напряжено, дыхание притаилось. С приближением парохода на палубе его стали выделяться Царственные особы. Дружное, оглушающее “ура” грянуло на берегу Волги и, сливаясь с колокольным звоном всех церквей, производило потрясающее действие, невольно у всех вызывало слезы радости».

Первым на пристань сошел молодой человек, о внешности которого начальник канцелярии императорского двора и уделов генерал-лейтенант А. А. Мосолов писал: «Очень высокого роста, породистой красоты и чрезвычайно элегантный». Это был Сергей Александрович – сын императора Александра II. Следом появились его родной брат Павел Александрович и два двоюродных брата – Константин и Дмитрий Константиновичи.

Их Высочествам преподнесли хлеб-соль. Затем великие князья прошли к северному входу Спасо-Преображенского собора, где владыка Ионафан окропил их святой водой. В соборе высокие гости приложились к местным иконам.

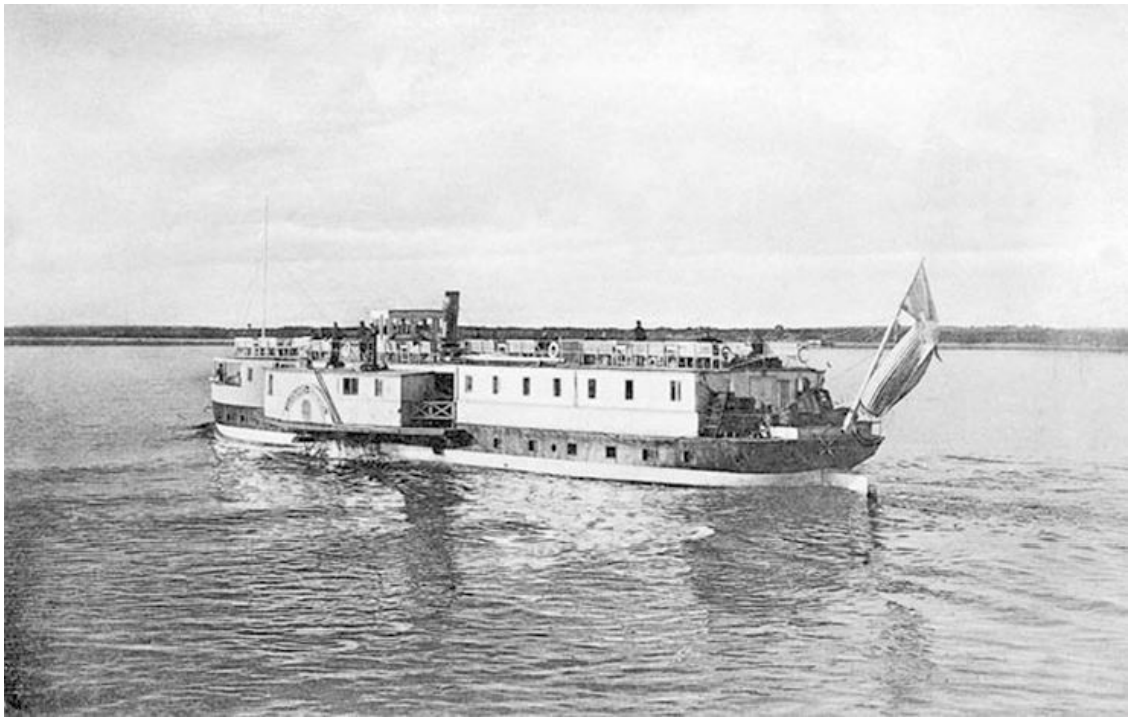
В новеньком доме земства (ныне улица Крестовая, 77) великие князья осмотрели ремесленно-промышленную выставку. Представленными экспонатами особо интересовался Сергей Александрович.

Также они побывали в окружном суде, в здании биржи, на месте строительства гавани в устье реки Черемхи. В биржевом зале великие князья приняли от купца М. Н. Журавлёва 10 000 рублей для помощи семьям воинов, погибших в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Это были огромные деньги.

В 16 часов 15 минут высокие гости отбыли из Рыбинска специальным поездом.

Великий князь Сергей Александрович Романов, уже будучи московским генерал-губернатором, еще раз побывал в Рыбинске в 1892 году. Тогда они с супругой, великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, направлялись через Ярославль и Рыбинск в Углич на торжественное освящение отреставрированного дворца царевича Димитрия.

До Ярославля они ехали поездом. В Ярославле пересели на пароход «Салтыков-Щедрин», принадлежавший обществу «Самолёт», и отправились к Рыбинску.



Пароход «Салтыков-Щедрин», на котором великий князь *Сергей Александрович прибыл в Рыбинск*

Террорист Иван Каляев, от рук которого погиб великий князь Сергей Александрович

Из Рыбинска навстречу «Салтыкову-Щедрину» вышли три парохода. Два из них, «Охрана» и «Дозор», были пожарными. На палубе «Дозора» стоял начальник рыбинской речной полиции А. А. Майер. Еще на одном пароходе, пассажирском, находились жители Рыбинска, удостоенные такой чести.

Когда «Дозор» встретился с «Салтыковым-Щедриным», А. А. Майер поднялся на пароход великих князей и был представлен Их Высочествам. Пароход «Охрана» провел учебную пожарную тревогу. При этом скрещенные струи воды выбрасывались на огромную высоту. Это эффектное зрелище очень понравилось высоким путешественникам. Поэтому «Охрана» повторила учебную тревогу.

Волжская набережная в Рыбинске была усеяна народом. В линию стояли солдаты Болховского пехотного полка. С церквей раздавался звон колоколов, смешиваясь с криками «Ура!» и звуками военной музыки.

Рыбинский уездный предводитель дворянства С. В. Михалков подарил великой княгине корзину белых роз и корзину ландышей. Городской голова купец К. Н. Лытиков преподнес гостям хлеб-соль на серебряном позолоченном блюде. Рыбинский ремесленный голова Е. В. Хлудов встречал путешественников хлебом-солью на фарфоровом блюде. Фотограф-любитель П. А. Переславцев подарил альбом с видами древних зданий Углича. В Спасо-Преображенском соборе гости приняли от настоятеля храма протоиерея И. К. Ширяева описание истории собора.

После осмотра собора Их Высочества взошли на пароход «Мария», принадлежавший обществу «Самолёт». На палубе «Марии» уже находился оркестр Болховского полка. До глубокой ночи под звуки бравурной музыки «Мария» и «Салтыков-Щедрин» шли рядышком, вверх по великой русской реке…

В 1905 году великий князь Сергей Александрович Романов погиб от взрыва бомбы, брошенной террористом Каляевым. В советское время одну из улиц Рыбинска назовут в честь Каляева.

«Тамойки», «букатник» и «чебурки»

В каждую навигацию XIX века через Рыбинск проходили десятки тысяч бурлаков. Известный российский экономист, издатель «Экономического журнала» А. П. Субботин писал: «По Шексне туристы почти не ездят, это по преимуществу река торгашей и бурлаков, которые разговаривают между собой на особом упрощенном наречии вроде эсперанто. Это наречие не употребительно в благородных салонах, и дамам слушать его не полагается…»

Слово «бурлак» – это искаженное татарское «буйдак», то есть бездомный. В словаре В. И. Даля даны еще два определения: «человек, идущий на заработки на суда» и «буйный, своевольный». Бурлаки собирались в Рыбинске со всех регионов Европейской России. Они имели иронические прозвища. Костромичей называли «тамойко», так как вместо слова «там» они произносили «тамойко». Тамбовцев и рязанцев прозвали «ягутками», так как вместо «его» говорили «яго». Казанцы – «князья», самарцы – «горчичники», саратовцы – «чехонщики», пензенцы – «толстопятые», вятичи – «слепороды», ярославцы – «чистоплюи».

Тверичей прозвали «козлятниками». Происхождение этого прозвища объясняется так: тверич-бурлак полюбил девушку, но видеться им не разрешали. Встречались они только у забора, в котором была щель. Мать девушки заметила их встречи, девушку закрыла в доме, а во двор выпустила козу. Парень просовывал в щель забора угощения для своей милой – пряники – и приговаривал: «Маш, а Маш, что ж ты пряники примаш, а мне ничего не баш (то есть ничего не говоришь. – *А. К.*)». А коза в это время поедала пряники.

Бурлаки в лямке

Волга. Бурлак

В Астрахани и во всех портах Каспийского моря грузчиками работали персы. Российский инженер Н. Н. Изнар (1857–1932) писал: «…эту тяжелую работу производят так называемые амбалы, персьяне. Удивительный народ персы: по первому впечатлению не люди, а вьючные животные. Мне случалось видеть, как такой амбал на спине переносил пианино, уложенное в ящик».

Перед началом путины бурлаки собирались на бурлацкой бирже, которой служила главная площадь приволжского города. Чтобы отличаться от обычных граждан, бурлак закалывал за ленту своей шляпы «бутырку» – крупную, грубо сработанную ложку. Название происходит от слова «бутырить», что означает «перемешивать, переворачивать».

На бирже бурлаки собирались в артель и выбирали старшего, который звался «дружка». «Дружка» должен был быть самым выносливым и уметь хорошо драться. На биржу приходили купцы, чтобы нанять на работу бурлацкие артели. Торговалась за подряд с купцом не вся артель, а только дружка. На торгах купец не считал зазорным потешиться. Претенденты на подряд дрались при всей честной публике. Победитель брал подряд. После этого бурлаки удаляли ложки со шляп, что означало, что они уже наняты на работу. Процедура оформления договора проста: хозяин вынимал строганые палочки, каждая переламывалась – одна половина у бурлака, вторая – у хозяина. Это был основной документ при расчете: состыковывались половинки палочки – получай денежку. Не состыковывались – Бог простит.

Во время пути передового бурлака звали «шишка». Он получал указания от лоцмана («дяди», или «букатника». – *А. К.*) и задавал темп всей артели. На картине И. Е. Репина «Бур-

лаки на Волге» впереди идет «шишка», которого знаменитый художник написал с натуры – с попа-расстриги Канина.

Орудием труда бурлаков служила лямка, сшитая из кожи или парусины, шириной около четырех вершков (18 см). Концы лямки соединялись кольцом, от которого тянулась тонкая веревка – «тонёк» – длиной три аршина (2 м 13 см). На тоньке находилась «чебурка» – деревянный шарик с грецкий орех. «Тонёк» с помощью «чебурки» захлестывался петлей вокруг бечевы, тянувшейся к судну. Это позволяло проверить тягу бурлака: если он добросовестно тянул, шарик не отцеплялся от бечевы. Если бурлак только делал вид, что тянул, «чебурка» спадала с бечевы и выдавала лентяя.

В пути бурлаки спали мало, часа по четыре. На рассвете хозяин будил их молитвой: «Господи Иисусе, сыне Божий, помилуй нас». Проснувшись, бурлаки должны ответить: «Аминь». Но так как уставшие рабочие продолжали спать, хозяин произносил другую «молитву»: изощренно и смачно матерился.

Прибрежная полоса земли шириной десять саженей (21 м 30 см), по которой шли бурлаки, называлась бечевником или сакмой. Бечевник был государственной землей, которая не подлежала приватизации. Государство занималось улучшением бечевника, но тем не менее он изобиловал камнями, болотистыми местами. Иногда бурлакам приходилось карабкаться с бечевой на крутой песчаный обрыв, который осыпался и хоронил под собой бурлаков.

Временами обрыв был настолько крут, что бурлаки, не в силах взобраться, шли под крутояром по воде. Тогда они привязывали кисеты с табаком к шее и шли по дну реки. На глубоких местах бурлаки кричали лоцману на судне: «Под табак!» Если взглянуть с обрыва вниз, открывался вид на несколько десятков голов, движущихся над водой. Так возникла поговорка: «Дело – табак».

При найме бурлаки договаривались о питании – от хозяина или артельное. Тяжелая физическая работа требовала обильной пищи. По подсчетам видного историка и экономиста академика С. Г. Струмилина (1877–1974), в месячный рацион бурлака входили: 48 кг хлеба, 8 кг мяса, 8 кг рыбы, 100 куриных яиц, 4 литра молока, крупа, овощи. Но иногда довольствовались лишь тюрей – окрошкой из хлеба, лука, постного масла и воды. На берегах реки Шексны на каждой пятой версте (верста равна 1,06 км) в харчевне можно было пообедать и выпить спиртного.

Бурлаки обедают

Когда ветер дул со стороны кормы судна, бурлаки развертывали паруса и отдыхали на палубе. А. П. Субботин в книге «Волга и волгари» написал: «Так, например, на нашей памяти у бурлаков и судовых рабочих были в обычае героические игры, неупотребительные в петербургских и губернских салонах. Их не найдешь также в сборниках общественных и семейных игр. Вот, например, одна из таких игр: дует попутный ветер, работа бурлаков и судорабочих становится излишней. Им можно отдохнуть, и вот для развлечения они берут бочонок, ставят его на палубе и подпирают для устойчивости поленьями. Один из играющих ложится на этот бочонок, крепко обхватывает его руками и произносит следующее простое воззвание, несколько грубая форма которого заслуживает снисхождения: “А ну, ребята, подходи по очереди, дуй меня в рыло, кто сшибет, тот с меня берет копейку, а не сшибет – с того копейка”. После этих слов начинается азартная игра: подходит бурлак и, так как каждая копейка ему дается с трудом, бьет со всего размаха, “на совесть”, по скуле лежащего на бочонке, который для большей упругости щеки несколько ее надувает. В одном случае, который мы знаем, он был сшиблен одиннадцать раз, но в результате остался в выигрыше 18 копеек. Спрашивается, сколько раз его ударили?»

Согласно договору, перед путиной бурлаки обязывались защищать хозяйское имущество от разбойников. Но между бурлаками и хозяевами всегда было взаимное недовольство. И если

на судно нападали разбойники, артель, несмотря на договор, не только оставалась безучастной к хозяйскому добру, но и могла перейти на сторону бандитов.

Нападения проходили чаще всего в районе Жигулей. Ночью раздавался разбойничий крик: «Сарынь, на кичку!» («сарынь» – народ, «кичка» – нос судна). Бурлаки послушно ложились лицами вниз. А хозяин выносил дань.

После этого разбойники спрашивали, нет ли у бурлаков обиды на хозяина. Если бурлаки жаловались, то хозяина раздевали и пороли на палубе горящими вениками. Предположительно, именно отсюда произошло название гор – Жигули.

Если провинности были большие, вступал в силу закон волжских разбойников: бурлаков – на волю, хозяина – на дно.

Зимой бурлаков – ту их часть, что не имела жилищ, – называли зимогорами. На юге таких людей прозвали «раклами». Зимогоры – потому что зимой им было горе. Впервые слово «зимогоры» записал в своем дневнике в 1857 году драматург Александр Николаевич Островский. Но есть и другая версия происхождения слова: зимогоры – это те, кто зимой собирались «на горке». Горкой в Рыбинске называли небольшой рынок.

Грамотных среди бурлаков почти не было. Они сами говорили про себя: «Таких не бывает, потому что грамотный всегда найдет работу получше бурлацкой лямки». Впрочем…

В 1898 году рыбинский священник Иоанн Введенский начал читать проповеди в местном ночлежном доме, в котором обитало около 250 зимогоров. В результате полторы сотни обездоленных исповедались и удостоились святого причастия в церкви. Вскоре из новомолящихся составился весьма недурной хор. Отец Иоанн с удивлением узнал, что большинство хористов-зимогоров – это бывшие певчие хора Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Но, выйдя из храма и побывав в трактире, исаакиевцы грянули другую песню – до невозможности непристойную. Подобное произведение в одном из ярославских трактиров вместе с бурлаками слушал Шаляпин. Взяв в руки карандаш, великий певец сказал своему спутнику, художнику Коровину: «Надо, брат, записать, больно здорово!»

Дядя Гиляй, он же Алёша Бешеный

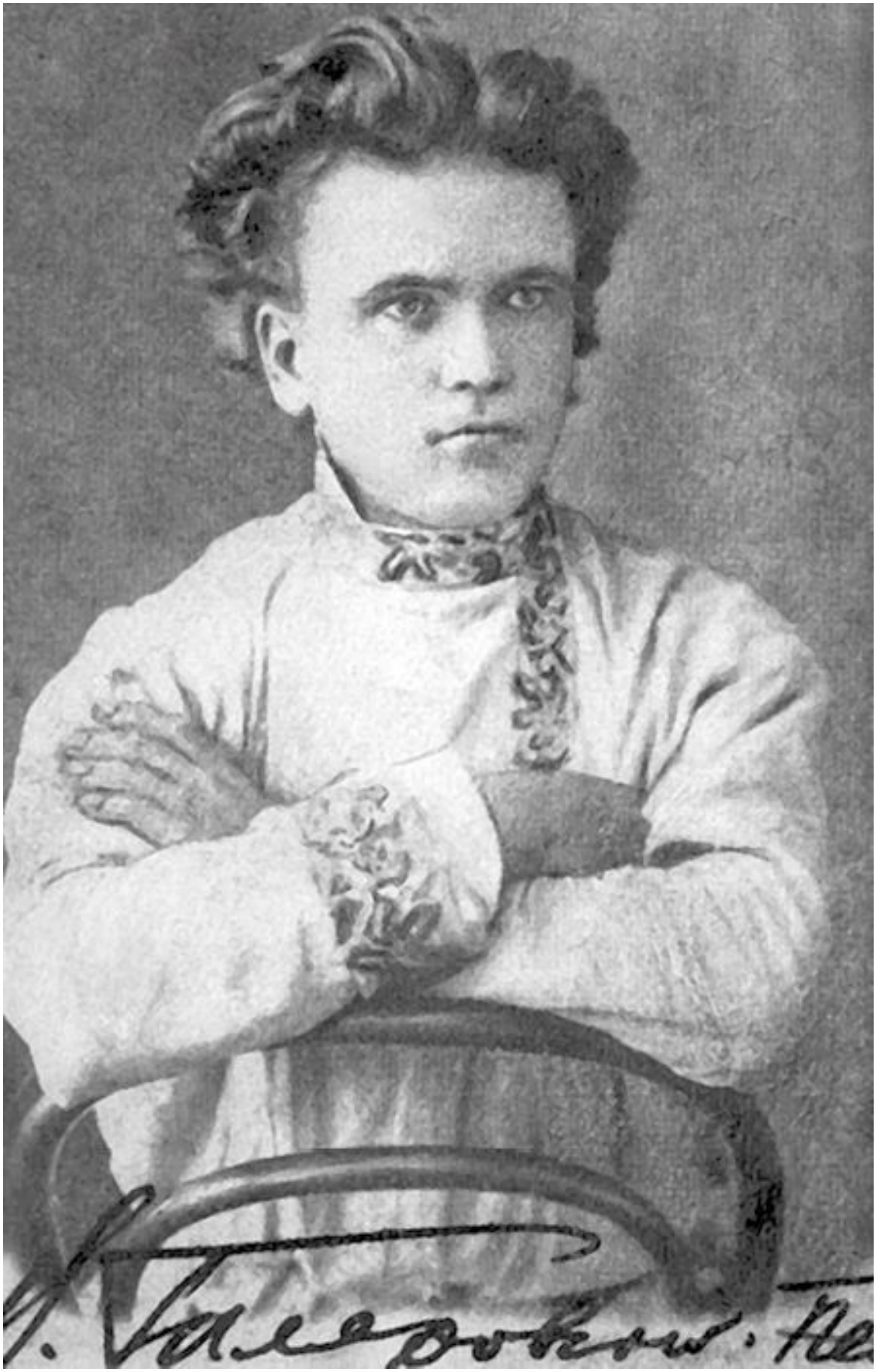
Замечательного русского писателя и журналиста В. А. Гиляровского (1853–1935) называли королем российских репортеров. Многие зачитываются его очерками из циклов «Мои скитания», «Москва и москвичи», «Трущобные люди» и другими. В июне 1871 года восемнадцатилетний Гиляровский сбежал из родительского дома в Вологодской губернии и пошел скитаться по России.

В. А. Гиляровский страстно хотел пройти по берегам Волги с бурлацкой артелью. Он пешком дошел до Костромы и начал осматривать пристани. Когда спрашивал о бурлаках, над ним смеялись. И неудивительно: к этому времени буксирные пароходы почти полностью заменили бурлаков.

Наконец, один старик указал Владимиру на четырех загорелых оборванцев. Те сидели на груде досок и пили водку, закусывая кренделями и вареной печёнкой. Налили и Владимиру. Тот, в свою очередь, поставил штоф от себя. Без расспросов, не посмотрев паспорта, приняли бурлаки Гиляровского в свою артель. На базаре продали его кожаные сапоги, вместо них купили онучи и три пары лаптей.

После ночлега на песчаном берегу, выпив «отвальную» – стакан самогона, артель двинулась в путь. Во главе её стоял Иван Костыга, который с презрением смотрел и на пароходы, и на молодых бурлаков, которых он и бурлаками не считал. Но Гиляровский ему понравился, он поставил его в лямке третьим – после себя и своего заместителя: «Здоров малый – этот сдержить!» И Гиляровский «сдерживал» до ломоты в груди и налитых кровью глаз.

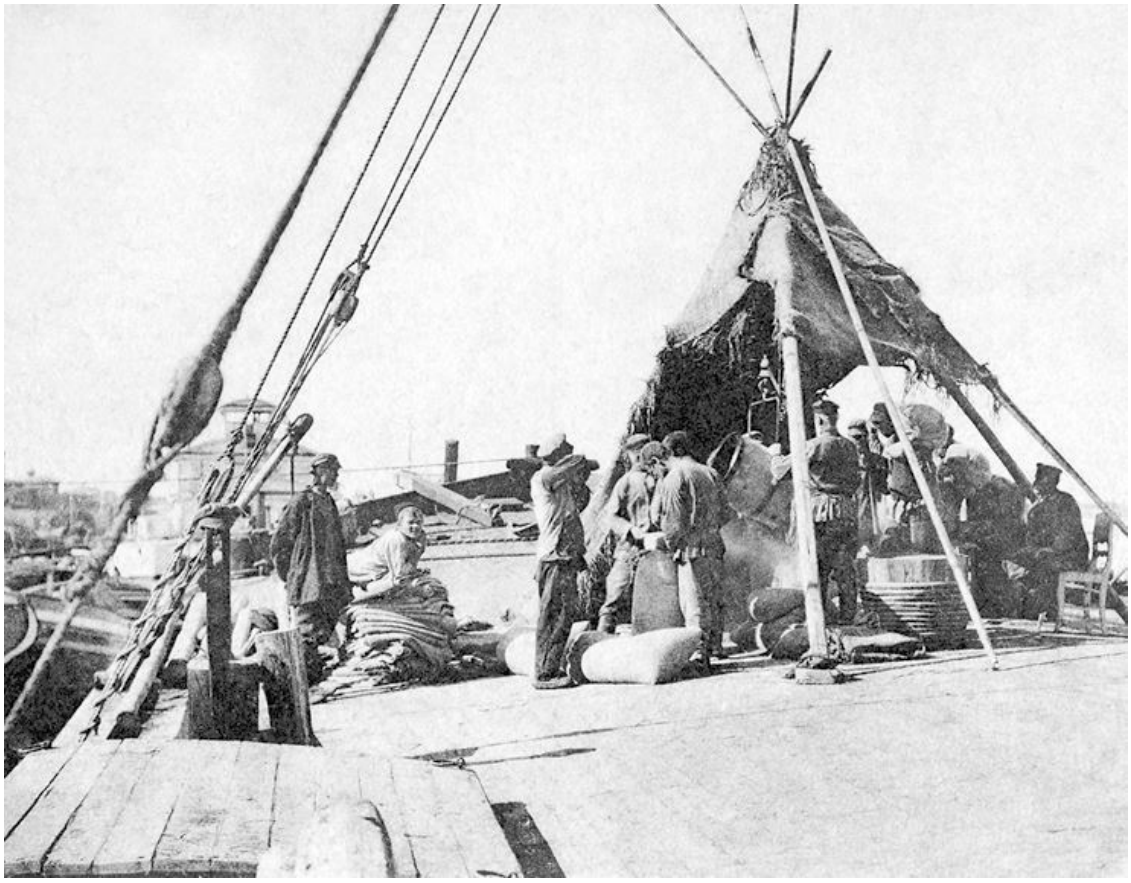
В книге «Мои скитания» В. А. Гиляровский писал: «Особый народ были старые бурлаки. Шли они на Волгу – вольной жизнью пожить. Сегодняшним днем жили, будет день – будет хлеб! Я сдружился с Костыгой, более тридцати путин сделавшим в лямке по Волге. О прошлом лично своем он говорил урывками. <…> Но вот нам пришлось близ Яковлевского оврага за ветром простоять двое суток. Добыли вина, попили порядочно, и две ночи Костыга мне о былом рассказывал…



Владимир Алексеевич Гиляровский в молодости

– Эх, кабы да старое вернуть, когда этих пароходищ было мало! Разве такой тогда бурлак был? <…> Прежде бурлак вольной жизни искал. Конечно, пока в лямке, под хозяином идешь, послухмян будь… Так разве для этого тогда в бурлаки шли, чтобы получить путинные да по домам разбрестись? Да дома-то своего у нашего брата не было. Хошь до меня доведись? Сжег я барина и на Волгу… Имя свое забыл: Костыга да Костыга… А Костыгу вся бурлацкая Волга знает. У самого Репки есаулом был… Вот это атаман! А тоже, когда в лямке, как и я, хозяину подчинялись, пока в Нижнем, али в Рыбне расчет не получишь. А как получили расчет, мы уже не лямошники, а станишники! Раздобудем в Рыбне завозню, соберем станицу верную… и махнем на них… (Завозня – это лодка на десять человек, а станица – разбойничья шайка. Спускаясь вниз, станишники грабили встречавшиеся им речные суда. – *А. К.*) Репка, конечно, атаманом. <…> Соберем станицу так человек в полсотни и всё берем: как увидит аравушка Репку-атамана, так сразу тут же носом в песок. Зато мы бурлаков никогда не трогали, а только уж на посудине дочиста всё забирали. Ой, и добра, и денег к концу лета наберем…»

Часто по ночам Костыга отводил Гиляровского в сторону и шепотом рассказывал ему о былой вольнице, об атамане Репке и грабежах судов. А однажды предложил: «Знаешь что? Хочется старинку вспомнить, разок еще гульнуть. Ты, я гляжу, тоже гулящий… Хошь и молод, а из тебя прок выйдет. Дойдем до Рыбны, соберем станицу да махнем на низ. С деньгами будем. Эх, Репка, Репка. Вот ежели его бы – ну прямо по шапке золота на рыло… Пропал Репка… Годов восемь назад его взяли, заковали и за бугры отправили…» Помолчал Костыга и добавил: «Помалкивай. Будто слова не слышал. Сболтнешь раньше, пойдет блекотанье, ничего не выйдет, а то и беду наживешь…»



Выгрузка хлеба с баржи

В. А. Гиляровский был наделен от природы огромной физической силой. В родительском доме много занимался спортом. Он быстро втянулся в бурлацкую работу. Вступая в артель,

Владимир назвался Алексеем Ивановым. Бурлаки дали ему прозвище Алёша Бешеный за то, что, когда на привале бурлаки отдыхали, Гиляровский то влезет на сосну, то покажет сальто-мортале или ходит на руках, а то и за Волгу сплавает.

На последней перед Рыбинском остановке Костыга спросил Гиляровского: «Ну так идешь с нами?» – и услышал: «Иду!»

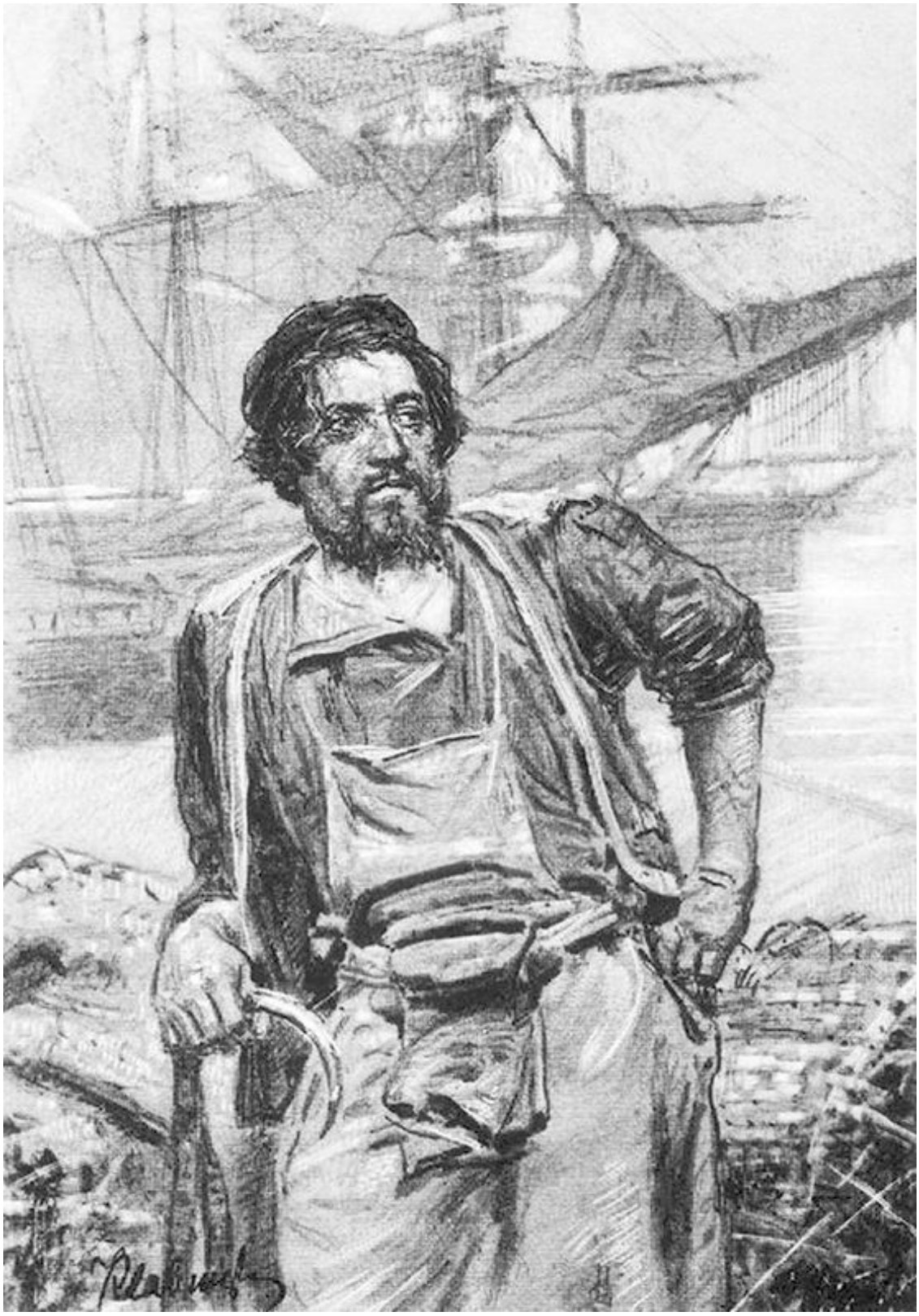
В Рыбинске бурлаки получили расчет и отправились на пароходную пристань. Костыга, Гиляровский и еще двое, кого наметили в станицу, пошли в трактир. Заказали штоф водки, на закуску рубец, воблу и яичницу из двадцати яиц. Только выпили по первой, в трактир вошли три огромных широкоплечих крючника – знакомые Костыги. У двоих клички – Балабурда и Петля. Присоединились к компании. Когда закончился третий штоф и доели третью яичницу, Костыга прошептал пришедшим: «Вот што, робя! Мы станицу затираем. Идете с нами?»

В ответ крючники предложили вступить в их артель. «А ну вас, пойду я крючничать», – рассердился Костыга. Но оказалось, что за старшего у крючников – Репка!

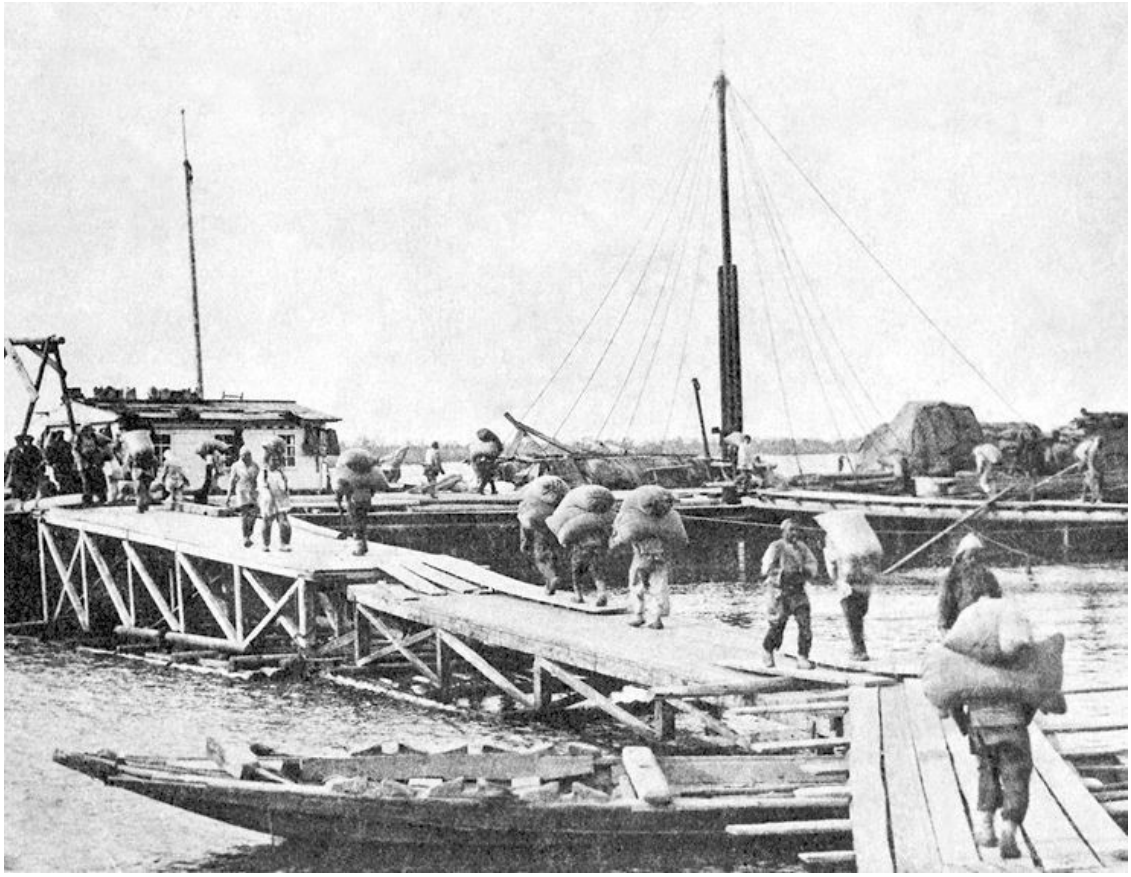
Он сбежал с каторги, в Самаре встретил Балабурду и Петлю. Втроем приехали в Рыбинск и собрали здесь необыкновенную артель из самых сильных и выносливых крючников. Артель работала быстрее других, а брала за труд меньше. Но заработок членов артели был вдвое больше других.

Пример показывал сам Репка. Несмотря на свои семьдесят лет, мог запросто пронести на спине два куля. А куль – это не только мешок, а еще и старинная русская мера веса сыпучих веществ: 9 пудов, или 144 килограмма. А еще Репка мог посадить на куль толстого приказчика и легко пронести этот груз по зыбким мосткам.

Артель Репки отличалась и внешним видом. Крючники надевали жилетки, обшитые серебряным и золотым галуном – в зависимости от степени силы. Их седёлки (приспособления для переноски кулей) были не из мешковины, как у других артелей, а из сафьяна. Попасть в эту артель было почти невозможно. Для Костыги и его товарищей сделали исключение. Гиляровскому помогло то, что в трактире он играючи разогнул пальцами пятиалтынный. Костыга согласился при условии, что станицу всё же соберут.



Крючник



Крючники работают

Репка действительно был в Рыбинске, но уже двое суток сидел в тюрьме. Работа артели вызывала зависть других хозяев и крючников. Нашлись доносчики, сообщившие в полицию, кем на самом деле является старший артели.

Через три дня работы крючником Гиляровский уже легко справлялся с девятипудовыми кулями. Через неделю ему предложили обшить жилет золотым галуном. Впервые такого почета удостоился человек в восемнадцать лет! В «Моих странствиях» В. А. Гиляровский написал:

«Я весь влился в артель и, проработав месяц, стал чернее араба, набил железные мускулы и не знал устали. Питались великолепно… По завету Репки не пили сырой воды и пива, ничего, кроме водки-перцовки и чаю (в 1871 году на Волге свирепствовала холера. – *А. К.*). Ели из котла горячую пищу, а в трактире только яичницу, и в нашей артели умерло всего двое. Я при каждой получке отдавал по пяти рублей Петле, собиравшему деньги на побег атамана (квалифицированный рабочий получал в то время 2 рубля в день. – *А. К.*). Да я никакого значения деньгам не придавал, а тосковал только о том, что наша станица с Костыгой не состоялась, а бессмысленное таскание кулей ради заработка всё на одном и том же месте мне стало прискучать. Да еще эта холера. То и дело видишь во время работы, как поднимают на берегу людей и замертво тащат их в больницу, по ночам подъезжают к берегу телеги с трупами, которые перегружают при свете луны в большие лодки и отвозят через Волгу зарывать в песках на той стороне».

Время шло, а Репку освободить не получалось. Гиляровский вспомнил, что отец и мачеха даже не знают, где он, и, раскаявшись, написал домой письмо. Сообщил, что был бурлаком, теперь работает в Рыбинске крючником, здоров, в деньгах не нуждается, всем доволен и к зиме приедет домой. Отец тут же явился в Рыбинск и увез сына на пароходе «Велизарий».

Женщины столицы бурлаков

Работа бурлаков была настолько тяжела, что правительство даже установило предельные нормы груза, который мог приходиться на одного члена бурлацкой артели: от 3 до 5 тонн. Придя в Рыбинск, многие бурлаки оставались работать грузчиками-крючниками. Крючник переносил на своей спине около 400 кулей в день.

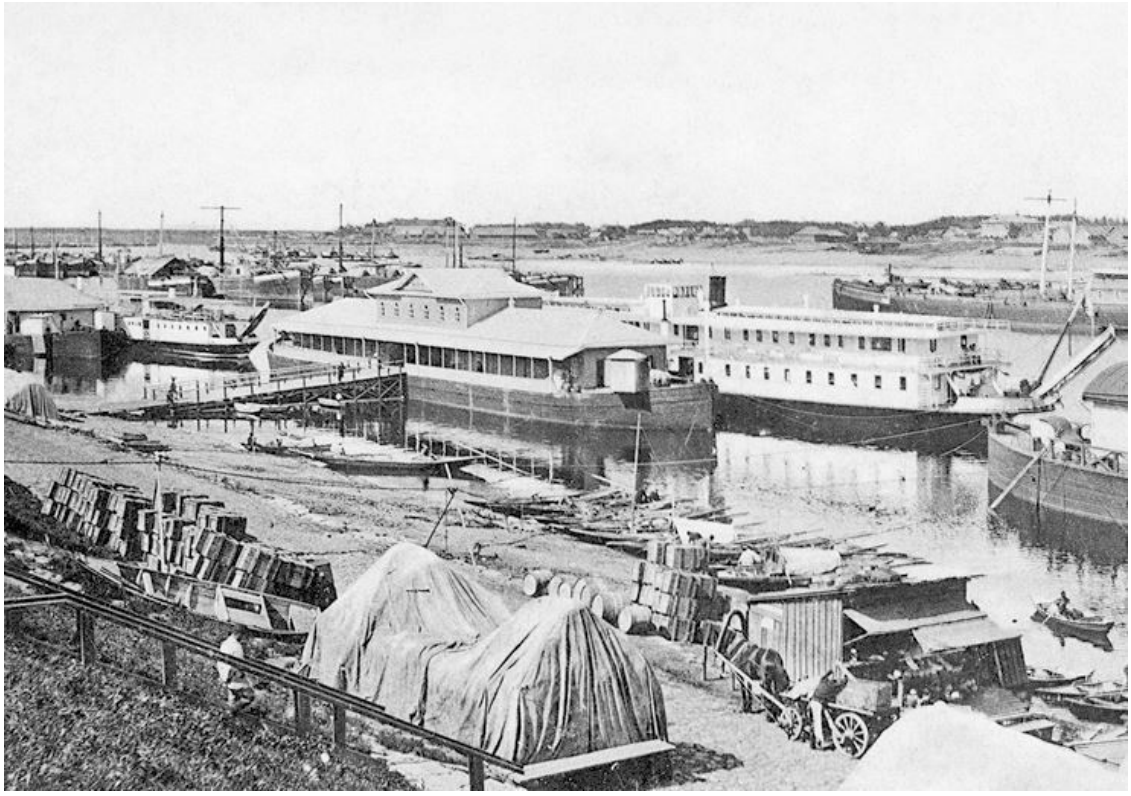
В начале XX века нижегородский врач Никитин провел медицинское обследование крючников и установил, что если крючник занимался своей работой семь лет подряд, то обязательно становился инвалидом.

До начала Первой мировой войны труд женщин на бурлацко-крючнических работах был редким исключением. Но с уходом мужчин на фронт стал применяться всё шире.

Подлинный «расцвет» женского труда на этих тяжелейших и для сильного мужчины работах наступил в середине 1930-х годов, когда через Рыбинск пошел поток хлебных грузов из колхозов в результате проведенной коллективизации.

Серьезное положение с погрузкой-разгрузкой судов сложилось в Рыбинске в октябре 1935 года. Множество судов ждали выгрузки, а до ледостава оставалось совсем немного времени. Нарком водного транспорта СССР издает грозный приказ: «Проверкой установлены факты вопиющего нарушения приказа за № 271 “О борьбе с простоями на водном транспорте” со стороны Верхневолжского, Северо-Западного (на пристани Рыбинск) пароходств. Добившись незначительного сокращения простоев флота, указанные пароходства допустили резкое увеличение простоев…»

Следующим приказом нарком более чем вдвое увеличил нормы переработки грузов в Рыбинске: «Учитывая скопления хлебных грузов на пристанях Верхней Волги и истекающие короткие сроки навигационного времени, в целях разгрузки хлебного тоннажа и возврата его в пункты зимовки для весенней погрузки приказываю: обеспечить ежесуточную выгрузку на пристани “Рыбинск” средствами Заготзерна и Главмуки не менее 4000 тонн и средствами пароходства не менее 2000 тонн…» Замечу, что 11 октября, в день выхода приказа, в Рыбинске выгрузили лишь 2700 тонн.



Волжские пристани в Рыбинске

Женская бурлацкая артель

Выполнять эти чудовищные нормы предстояло грузчикам и грузчицам. Газета «Рыбинский рейд», орган парткома и месткома рыбинской пристани, начинает регулярно печатать сводки выполнения бригадами новых норм. Всего в таблице 21 бригада, в том числе четыре женские: Чащиной, Фроловой, Огневенковой и Симаковой.

Героическими усилиями грузчиков план выполнили. И в начале следующего года наркомат водного транспорта послал победный рапорт руководству страны: «Центральный комитет ВКП(б) – товарищу И. В. Сталину, товарищу Л. М. Кагановичу, Совет народных комиссаров Союза ССР – товарищу В. М. Молотову. Подводя итоги навигации 1935 года, народный комиссариат водного транспорта докладывает, что водный транспорт впервые за ряд последних лет не только выполнил, но и перевыполнил свой навигационный план…»

Как же далась эта победа рядовым исполнителям? Газета «Рыбинский рейд» в каждом номере публиковала портреты молодых, круглолицых, улыбающихся грузчиц. Но вот я беру из фондов музея фотографию, не предназначавшуюся для газеты. На ней девятнадцать женщин из бригады А. И. Чащиной. Девять человек действительно молоды, красивы, улыбчивы. Это те, кому на вид лет по двадцать. И вторая половина – те, кому около сорока: обветренные усталые лица с заострившимися носами; худые, жилистые тела; руки с набухшими венами. Сил на улыбку нет даже перед фотокамерой.

В центре группы женщина-легенда, человек – исключение из этого ряда, Александра Ивановна Чащина. Она родилась в Рыбинске в 1890 году в бедной семье. С десяти лет начала работать няней в богатом доме. В 16 лет – грузчицей на рыбинских пристанях. Когда ей было 33 года, у неё умер муж, и Александра Ивановна осталась с шестью детьми одна. Вступила в коммунистическую партию. Избиралась членом Центрального комитета профсоюза рабочих речного транспорта. Все тридцатые, сороковые, пятидесятые годы XX века бригада А. И. Чащиной показывала образцы ударного труда. За трудовые достижения Александру Ивановну наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и двумя орденами Ленина. На пенсию А. И. Чащина ушла только в 1956 году, то есть в 66 лет! Скончалась Александра Ивановна в 92 года, в 1982 году. Но памятью прославленной рыбинчанке стал только некролог в три строчки на последней странице газеты «Рыбинская правда».

В 1936 году наркомат водного транспорта еще более – до 8000 тонн в сутки – увеличил задание Рыбинску по переработке грузов: «Темпы разгрузки судов в Рыбинске всё еще недостаточны, основное внимание нужно сосредоточить на четкой организации работы грузчиков. Рыбинск должен перегружать в сутки 8000 тонн, решительно надо добиться быстрой перестройки работы грузчиков на всех участках…»

«Четкая организация» и «быстрая перестройка» означали увеличение пота, выжимаемого из грузчиков. Газета «Рыбинский рейд» вновь запестрела сообщениями о работе передовых женских бригад. Читаю заметку «Рекорд грузчицы Мичуриной»: «Первый день индивидуальной работы в бригаде Огневенковой показал превосходные результаты. Отдельные работницы за 4 часа выполнили свою дневную норму. Всех больше выполнила работница Мичурина, она переработала 5 тонн при норме 3,5 тонны. Пазухина, Цюрик, Спиридонова, Желобова и Новикова – выполнили по 4,5 тонны».

21 июля 1936 года в Рыбинск прибыл народный комиссар водного транспорта Н. И. Пахомов – хорошо упитанный мужчина со щегольскими усиками на румяном лице. Командно-политический состав пристани Верхневолжского пароходства доложил руководителю: «Дорогой Николай Иванович! Ваш приезд является для нас большим событием. Мы знаем, что Рыбинск – одна из ответственных пристаней самой крупной воднотранспортной магистрали нашей страны. За первую половину навигации у нас есть некоторые достижения. Однако мы не сумели поставить работу так, чтобы Рыбинск не был отстающей пристанью. Мы обязуемся перед Вами работать в будущем по-большевистски и поставить Рыбинск, а вместе с ним всё Верхневолжское пароходство в ряды передовых. Путь к этому – широкое развитие стаханов-

ского движения. К этому обязывает нас взятое Вами обязательство перед вождем народов товарищем Сталиным – работать в стахановскую навигацию на “отлично”…»

Стахановок Рыбинска вновь ждали трудовые подвиги. И вспоминаются строки Н. А. Некрасова: «…нет косточки неломаной, нет жилочки нетянутой».

Цепное пароходство

Двадцать лет, проводя экскурсии по экспозициям Рыбинского музея-заповедника, у модели туера я говорил экскурсантам: «А о таком пароходе вы сегодня узнаете впервые!» И никто из экскурсантов мне ещё не возразил…

Впервые в мире цепное пароходство придумали французы и открыли его на реке Сене в середине XIX века. По дну реки проложили металлическую цепь. При движении буксира-туера цепь выбиралась на нос судна, скользила к центру палубы, где прокручивалась через вал, вращаемый паровой машиной. После вала цепь скользила к корме и падала на дно. Вот такой своеобразный паром. При этом туер не только двигался сам, но и буксировал несколько несамоходных барок.

Впоследствии туерные пароходства появились на верхних участках рек Майна, Эльбы и Дуная. Наиболее эффективно туера показали себя на мелководье и при быстром течении.

Впервые в России цепное пароходство появилось на реке Шексне от Рыбинска до Белозерска в 1863 году. Его организатором стал банкирский дом «И. Е. Гинцбург», создавший «Акционерную компанию цепного пароходства по р. Шексне».

Банкиры Гинцбурги входили в число богатейших людей Российской империи, они разбогатели на винных откупах, будучи еще витебскими купцами. В 1859 году, когда император Александр II разрешил самым богатым купцам-евреям селиться и в Центральной России, Евзель Гинцбург переехал в Санкт-Петербург, где основал банкирский дом с отделением в Париже.

Гинцбурги открыли в России несколько банков, владели сахарными заводами в Подольской и Киевской губерниях, участвовали в трех золотопромышленных компаниях в Восточной Сибири.

Туер с караваном барж

Банкирский дом находился в тесных деловых и дружеских отношениях с банками в Гамбурге, Берлине, Париже. Одна из дочерей Горация Гинцбурга вышла замуж за Э. Ротшильда.

В 1863 году компания проложила по дну Шексны цепь и пустила первые шесть туеров. Капитанами пригласили французов. Однако то, что было возможно на французской Сене, встретило непреодолимые препятствия на русской Шексне.

Это, прежде всего, пороги. Их названия говорят сами за себя. Порог Болтун так раскачивал суда, что из них высыпался груз. Порог Кузнец «подковывал» суда до отверстий в днищах. Порог Свинья мог «подложить свинью» в, казалось бы, безопасной ситуации. На пороге Заяц судовой ход метался из стороны в сторону, словно заяц запутывал следы. На пороге Мышьи Тропки фарватер сужался настолько, что два встречных судна не могли разминуться. Пришлось даже устанавливать семафор дли регулировки движения. Названия порогов Чертовы Островки и Собачьи Пролазы можно и не комментировать. А чтобы определить название порога Голубец, заглянем в словарь В. И. Даля: там это слово трактуется как «могильный памятник в виде домика из сруба и крыши».

Еще одним препятствием для туеров стали многочисленные излучины на Шексне, когда река делала резкий поворот, а порой разделялась на несколько русел. Одна такая излучина имела говорящее название Оленьи Рога.

Французские капитаны оказались не готовы к таким условиям судоходства. К тому же они были и не способны руководить нашими речниками, когда необходимо употреблять много энергичных слов, столь убедительных для русского человека.

Не укладывалось во французское сознание и такое: иногда суда подолгу стояли перед шлюзами, потому что «барин», то есть заведующий пропуском судов, спит или его супруга изволит купаться. Был и такой курьезный случай: в момент скопления судов «барин» распорядился слить воду из шлюзовой камеры, чтобы отыскать запропавшую там принадлежность дамского туалета.

В навигацию 1863 года туера не смогли дойти даже до Череповца. При этом буксируемые барки врезались в берега, садились на мели, ломали борта, некоторые и вовсе переламывались пополам.

Компания заменила французов на русских капитанов и занялась расчисткой Шексны. Находчивые русские мужики мгновенно придумали способ буксирования по Шексне. Они прицепляли барку к туеру не одним, а двумя канатами. Когда буксирование проводилось по прямой, оба каната имели одинаковую длину. Когда же надо было обогнуть крутой береговой изгиб, длину одного из канатов изменяли, и буксируемая барка плавно обходила самый крутой изгиб берега.

Работа по расчистке Шексны потребовала огромных средств и три года времени. В 1865 году туера с барками, наконец, прошли путь от Рыбинска до Белозерска.

Местом для головной конторы цепного пароходства компания выбрала Рыбинск. Первым управляющим цепным пароходством стал рыбинский первой гильдии купец, потомственный почетный гражданин Илья Осипович Авербах, переехавший в Рыбинск из Мариуполя. На его плечи легли все трудности первых лет пароходства.

И. О. Авербах управлял цепным пароходством многие годы. 2 марта 1888 года в Рыбинске торжественно отмечали двадцатипятилетний юбилей И. О. Авербаха на посту управляющего. Илье Осиповичу подарили модель туера на мраморной подставке, которая находится сейчас в Рыбинском музее-заповеднике.

Сослуживцы преподнесли своему начальнику приветственный адрес, в котором говорилось: «Для дела, которым Вы управляете, Ваше 25-летие составляет весьма важную эпоху. Вы очевидец его рождения, его роста и развития, Вы личным трудом его вырастили, неустанно заботились о его развитии и своими руками вывели на тот путь процветания, на котором оно в настоящее время находится. Для нас, Ваших сослуживцев, Вы всегда служили хорошим примером, всегда вдохновляли, поощряли, наставляли и указывали, по какому пути следовать…» Согласитесь, не каждый руководитель слышит от подчиненных такие слова.

Семья рыбинских купцов Авербахов. В центре (с седой бородой) – И. О. Авербах, *управляющий цепным пароходством*

В 1868 году в России открыли второе цепное пароходство. И вновь от Рыбинска, но уже по Волге, до Твери. Условия для судоходства здесь были ничуть не лучше шекснинских. На участке от Твери до Рыбинска было десять порогов с глубиной воды от 30 до 57 сантиметров. Слой воды в 57 сантиметров был над порогом, который назывался Толстая Быстрота.

Впоследствии в России открылось третье и последнее в России туерное пароходство на реке Свири, текущей из Онежского озера в Ладожское.

Погубила туерное пароходство, как и многое в нашем Отечестве, хозяйственная разруха, вызванная Первой мировой войной и двумя революциями – Февральской и Октябрьской. В годы НЭПа восстанавливать цепное пароходство не стали, так как к этому времени в мире появились винтовые теплоходы, более эффективные, чем любой из пароходов того времени.

Последние сведения о туерном пароходстве я нашел в газете «Рабочий и пахарь» (предшественнице «Рыбинских известий») за 1923 год. В заметке «Надо извлечь!» говорится о туере, который уже два года лежит затопленный на дне реки Черёмухи напротив городского бульвара.

Во второй заметке, «550 000 золотых рублей на дне Шексны», неизвестный автор сокрушается, что под водой лежит и пропадает цепь, вдоль которой когда-то ходили туера.

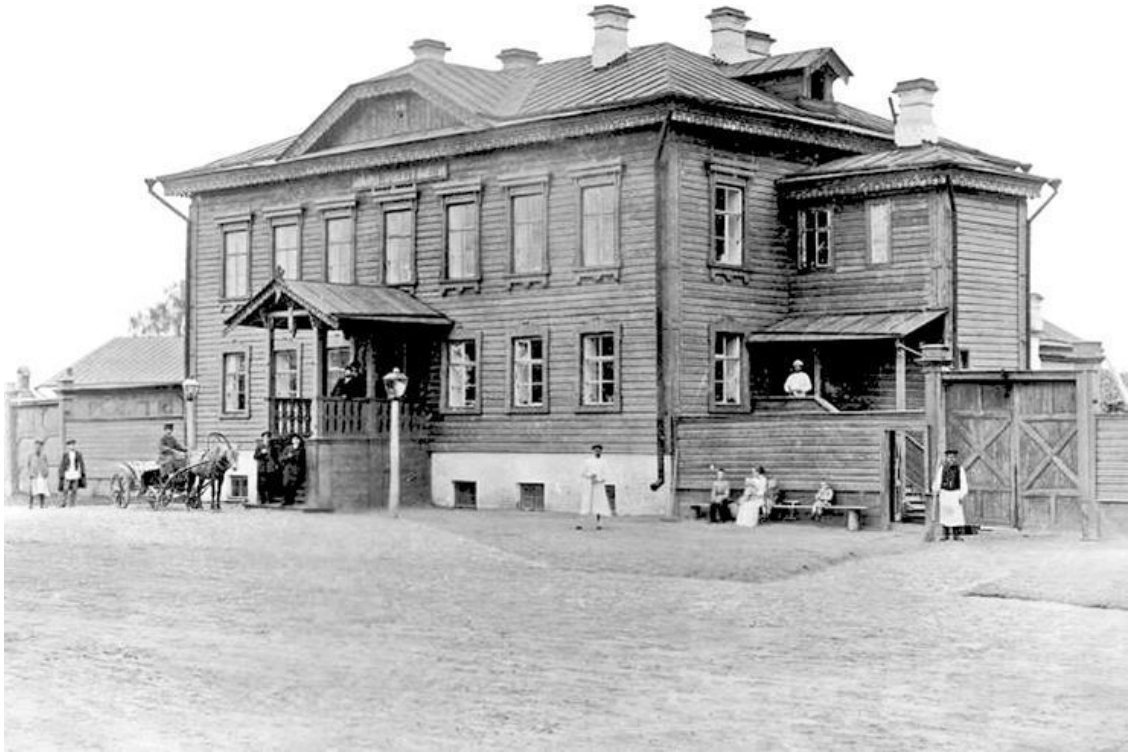
Холерные эпидемии

В XIX – начале XX века рыбинцы пережили эпидемии тифа, сибирской язвы и даже малярии. Но более всего жизней наших предков унесла холера! Это грозное слово наводило ужас в России. Родина холеры – Индия, откуда она распространилась по всему миру. В Российской империи холера появилась в 1823 году в Астрахани, Тифлисе и Баку. В 1830 году холера впервые пришла в Ярославль и Рыбинск, куда её занесли бурлаки с низовьев Волги.

11 сентября 1830 года в Рыбинске умер от холеры первый человек. Им оказался сторож городского училища, единственного в то время в городе. Спустя две недели император Николай I подписал указ, который констатировал: в некоторых регионах России, в том числе в Ярославле и Рыбинске, эпидемия холеры! Этим же указом император временно освободил министра внутренних дел графа Закревского от должностных обязанностей и направил его на борьбу с холерой в заражённые места. Из лучших медиков страны гражданского и военного ведомства создали медицинский совет и также направили в регионы с задачей: изучить причины возникновения холеры, ее свойства и методы лечения.

После смерти рыбинского сторожа в город срочно приехал ярославский губернатор. Для борьбы с холерой в городе учредили специальный комитет. Въезд и выезд из города запретили. Вокруг Рыбинска выставили оцепление. Для выявления больных назначили специальных людей – хожалых. Они дважды в день обходили свои участки, выявляли заболевших и заявляли в полицию, а также городскому лекарю. Заболевших насильно отправляли в больницу, чего те очень боялись, так как назад возвращались немногие.

В Рыбинск холера пришла с волжскими судорабочими



Рыбинская городская больница

Предохранялись от заболевания все по-разному. Кто побогаче, пили спирт «Четыре разбойника» (как ни старался, так и не выяснил, что же это такое. – *А. К.*), ретирадные места заливали хлорной известью. В домах на раскаленный кирпич лили хлебный квас и умывались дегтярной водой.

Как действовали менее состоятельные, описал рыбинский мещанин Карякин: «А бедные сначала употребляли чеснок, потом начали мазаться дегтем, жгли на дворах можжевельный кустарник с навозом, отчего в городе воздух был очень тяжел». И сделал вывод: «Болезнь сия очень устрашила народ и повергла в величайшее уныние».

Но даже страх смерти не мог помешать торговле в Рыбинске. Торговым днем в городе была суббота. В связи с болезнью рыночную торговлю перенесли из города в село Иваново, что в двух верстах от Рыбинска. Чтобы туда попасть, надо было пройти оцепление. На заставе поставили кадку с уксусом. Проходящий обмакивал в уксус пальцы, мазал лицо – и пожалуйста: путь свободен! Никакого формализма.

Эпидемия в Рыбинске закончилась 21 октября. За эти дни в городе заболело 305 человек, из них 125 умерло. Население города в то время составляло около 4500 человек.

В 1831 году болезнь впервые добралась до Санкт-Петербурга и даже до Риги. Император Николай I издал указ: «Посвятив все действия и мысли Наши попечению о благе Богом врученного и любезного Нам народа, мы видели с сокрушенным сердцем распространение эпидемической болезни холеры в пределах Империи Нашей. <…> Правительство нашлось в необходимости предписать строгия полицейския и врачебныя меры. Но в самом начале приведение оных в действо встретило в иных местах некоторые затруднения со стороны простаго народа. Люди легкомысленные во многих местах старались противодействовать этим мерам единственно потому, что оныя не могли согласоваться с обыкновенным их образом жизни и выгодами из промышленности».

В результате такого легкомысленного отношения народа к опасности в эпидемию 1831 года в Санкт-Петербурге умерло 7 тысяч человек. Хотя медики опытным путем уже начали находить методы лечения и профилактики холеры.

В 1831 году в Рыбинске, с 16 мая по 5 июля, заболело 372 и умерло 262 человека.

Холерные эпидемии в нашем городе периодически возникали до 1921 года. Но самая страшная эпидемия случилась в 1848 году.

Эпидемия началась 11 мая. Для борьбы с ней избрали специальный холерный комитет, в который вошли самые богатые и уважаемые купцы. Эти же люди в складчину собрали средства на борьбу с заболеванием. Более других пожертвовал городской голова купец Иван Александрович Куликов – больше, чем все остальные вместе. А еще глава города построил на свои средства барак для заболевших.

Каждый день в городе заболевало по нескольку десятков человек. Утром 23 мая заболел один из самых уважаемых людей Рыбинска – организатор строительства Спасо-Преображенского собора купец Иван Алексеевич Миклютин. Внезапно у него начался понос, приступы которого становились всё чаще. В полдень появилась мучительная жажда, к которой присоединилась рвота. Жена его Авдотья сразу поняла, что муж заболел холерой. Быстро затопила печь, начала греть воду. Каждые полчаса поила мужа кипяченой водой с настоем ромашки, но понемногу – лишь по ложке. От рвоты давала кусочки льда.

К вечеру состояние больного стало ухудшаться. Кишечные выделения потеряли свойственный им запах и стали похожи на рисовый отвар. Начались судороги, кожа синела, тело холодело. Тогда Авдотья обложила тело мужа бутылками с горячей водой, а на живот – еще и мешочек с раскаленной золой. Всю ночь она провела возле мужа, растирая тело шерстяным платком. Но ничего не помогало. К утру больной (всего лишь за сутки) похудел так, что лицо изменилось до неузнаваемости, глаза запали. Дыхание стало затрудненным, он пытался что-то сказать жене, но голос был беззвучен, начался бред… В 9 часов 24 мая 1848 года на 61-м году жизни купец Иван Алексеевич Миклютин скончался.

Авдотья перекрестилась, послала прислугу за священником, так как закон предписывал отпевать и хоронить умерших от холеры в первые сутки после смерти. Вернулась в комнату, чтобы закрыть глаза покойного, протянула руку и… закричала от ужаса: подбородок мертвеца дергался!!! Придя в себя, схватила руку покойного: холодна, и пульса нет. Но еще несколько часов, холодея, она наблюдала, как у покойника самопроизвольно подергивались мышцы на ногах, груди и нижней челюсти. Уже потом она узнала, что это может происходить у скончавшихся от холеры. Кстати, эти движения покойников и породили в народе мифы о погребении мнимоумерших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.